

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.15>

Хазанкович Юлия Геннадьевна

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО КНИГИ РАССКАЗОВ НАДЕЖДЫ БОЛЬШАКОВОЙ
"ХЛЕБНЫЕ ГОРБУШКИ"**

В статье исследуется "малая проза" саамского прозаика Надежды Большаковой в типологическом, культурно-историческом аспектах. На материале книги рассказов "Хлебные горбушки" выявляются специфические черты автобиографического повествования в целом и его этнические особенности в контексте литературных и фольклорных жанровых традиций саамов. В частности, выявляется связь с народными рассказами саамов (муштоллами), в которых описывались события пережитого дня, а также особого рода песнями - личными. Автобиографическая книга Н. Большаковой есть своего рода "явленный способ мироотношения". Через личностную форму повествования автор транслирует основные культурные ценности и установки этноса. Автобиографические рассказы Н. Большаковой эмоциональны, окружающий мир и люди представлены в них через призму восприятия и оценок автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 283-287. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Очевидно, что культ *комаину* как бога – хранителя ворот имеет в Японии множество интерпретаций. При этом боги – хранители ворот выполняют две основные функции, характерные для богов синтоистского пантеона, – продуцирующую и охранительную. Важным также является и то, что эти удивительные фантастические животные, являясь «заместителем» или одной из ипостасей богов – хранителей ворот, всегда выступают в роли благопожелательного символа – они могут даровать богатство, могут защитить от злых духов, могут спасти от верной гибели. В их образе как бы сконцентрировались народное представление о помощи, которая всегда подоспеет вовремя, и о счастье, которое неминуемо придет. Этим стражам входа/ворот в дом или храм дарована великая способность «впускать» в ворота счастье и «не впускать», отгонять несчастье.

Список источников

1. 稲田浩二. 日本昔話事典, 出版社: 弘文館. 東京, 1977 (Инада Кодзи. Энциклопедия японских народных сказок. Токио: Кобундо, 1977). 1169 с.
2. 日本の神々—神社と聖地. 関東. 谷川 健一 (編集). 出版社: 白水社, 13巻セット, 11巻, 東京, 2000 (Японские синтоистские божества. Храмы и святые места. Район Канто: в 13-ти т. / сост. Таникава Кэндзи. Токио: Хякусуйся, 2000. Т. 11). 580 с.
3. たつきよしみつ. 狛犬かがみ, 出版社: バナナブックス. 東京, 2006 (Такуки Ёсимицу. Отражение комаину. Токио: Бананабуккусу, 2006). 128 с.
4. 戸部 民夫. 「頼れる神様」大事典, 出版社: PHP研究所. 東京, 2007 (Тобэ Тамио. Божества, которым доверяют: большая энциклопедия. Токио: PHP кэнкюдзё, 2007). 264 с.
5. 江戸東京 はやり信仰事典. 新倉 善之 (編集). 出版社: 北辰堂, 東京, 1998 (Словарь наиболее распространенных верований Эдо и Токио / сост. Ниикюра Ёсиюки. Токио: Докусиндо, 1998). 346 с.

MYTH-FOLKLORIC CONCEPTIONS OF THE JAPANESE GODS – GATE KEEPERS

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
sadokova@list.ru

The article analyzes mythological stories and legends associated with the cult of the Japanese gods – gate keepers, who are meant to protect the house or temple from penetration of evil spirits. It is shown that the majority of such stories are associated with the images of stone lion-dog statues *komainu*, who are the material implementation of the gods – gate keepers. The author mentions the tradition observance in the modern forms of worshipping these gods and the functioning of these stories in church and local folklore. The paper emphasizes the diversity of the gods – gate keepers' functions implemented in the *komainu* image, which allows the author to conclude on ancient and stable folkloric and mythological relations of these gods with protective and productive magic typical of the gods of the Japanese Shinto pantheon.

Key words and phrases: folk culture; folk Shinto; folkloric and mythological conceptions; god – gate keeper; lions-dogs *komainu*; wolf cult; mythological hero Yamato Takeru.

УДК 821.512.157-394

Дата поступления рукописи: 05.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.15>

В статье исследуется «малая проза» саамского прозаика Надежды Большаковой в типологическом, культурно-историческом аспектах. На материале книги рассказов «Хлебные горбушки» выявляются специфические черты автобиографического повествования в целом и его этнические особенности в контексте литературных и фольклорных жанровых традиций саамов. В частности, выявляется связь с народными рассказами саамов (муштоллами), в которых описывались события пережитого дня, а также особого рода песнями – личными. Автобиографическая книга Н. Большаковой есть своего рода «явленный способ мироотношения». Через личностную форму повествования автор транслирует основные культурные ценности и установки этноса. Автобиографические рассказы Н. Большаковой эмоциональны, окружающий мир и люди представлены в них через призму восприятия и оценок автора.

Ключевые слова и фразы: Н. Большакова; кольские саамы; саамские рассказы; саамская литература; автобиографические рассказы; фольклор.

Хазанкович Юлия Геннадьевна

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
hazankovich33@mail.ru

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО КНИГИ РАССКАЗОВ
НАДЕЖДЫ БОЛЬШАКОВОЙ «ХЛЕБНЫЕ ГОРБУШКИ»**

Актуальность исследования определена тем, что саамская литература в России изучена слабо, чего нельзя сказать о культуре, прозе и поэзии саамов, проживающих в Швеции, Дании и Финляндии [14; 15]. Саамская

литература в России ассоциирована именами поэтов Октябрины Вороновой, Аскольда Бажанова и прозаика Надежды Большаковой, автора первого в национальной литературе романа «Алхалалалай» [12]. Вышедший в 2003 году, роман-эссе «не только о любви героев, но и о судьбах народов, их верованиях, мифологии, этнографии, да и самой жизни» до сих пор не получил всестороннего осмысления, за исключением работ Е. Марковой, Н. Хрусталева, В. Бакула [1], И. Гобзева. Следует признать, что роман «Алхалалалай» получил неоднозначную оценку: от «лучшая вещь» до «роман получился слабым» [9, с. 217-218]. Но творчество саамки Н. Большаковой представлено сказками и рассказами о детстве, которые практически не получили литературоведческой оценки. Новизна исследования – в попытке изучить «малую прозу» Н. Большаковой в типологическом, культурно-историческом аспектах и выявить специфику ее автобиографического повествования. Выявление жанровых традиций и содержательных особенностей автобиографической книги составляет цель предложенного исследования.

Обращаясь к проблеме автобиографического повествования, Ю. М. Лотман заметил, что «любое богатство исторического фона может лишь обогатить и украсить биографическое повествование, но не способно решить его основную задачу: спаять разрозненные документально-фактические сведения в единую и живую человеческую личность. Для этого нужны другие средства. Важнейшее из них – художественная интуиция» [7, с. 233]. Возможно, что это обусловлено тем, что автобиография есть своего рода «явленный способ мироотношения», тогда как биографическое повествование направлено на описание внешнее по отношению к личному опыту другого [2]. Автобиография всегда актуальна, потому что показывает внутренние противоречия жизни человека, в ней транслируются в интровертной форме ведущие культурные ценности и установки этноса.

Традиционно в автобиографическом повествовании не только отражены события жизни автора, но содержится оценка событий, сменяющих друг друга. Нередко автор меняет оценку самого себя при описании того или иного жизненного этапа. Чаще всего автобиографическое повествование существует в рамках конкретно-исторического культурного контекста.

Автор автобиографии выступает в двух ипостасях: как действующий, мыслящий, вспоминающий, создающий текст субъект, так и объект описания, который может называть себя и характеризовать себя в третьем лице. Автобиографическое повествование показывает ближайшее окружение автора и реалии его быта.

В литературах малочисленных народов Севера автобиографическая проза появилась с момента зарождения самой художественной словесности. Первым автобиографическим повествованием следует считать русскоязычный роман эвенка Гамаллила Гантимурова «Ганя Хмуров» (1904), значительно позднее появились автобиографические повести эвена Николая Тарабукина «Моя жизнь» (1936), манси Матры Вахрушевой «На берегах Малой Юконды» (1936), удэге Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай» (1948) [11]. Саамская литература не стала исключением. Первым художественным произведением, написанным саамом на родном языке, была книга J. Turi (Ж. Тури) “Muittalus samid birra” (Stockholm, 1917). Она представляла собой первую художественную автобиографию, что весьма симптоматично для начинающейся литературы [12]. Значимость этому факту придает и то, что обращение писателей-северян к художественной автобиографии на протяжении всего XX столетия было довольно регулярным [4; 10]. Отметим, что эта традиция наблюдается и у других малочисленных народов Севера, в частности в повестях ненки Нина Ядне «Я родом из тундры», эвенкийки Галины Кэптукэ «Имеющая свое имя, Джелтула-река», эвенов Андрея Кривошапкина «Кочевье, длиною в жизнь» и Марии Федотовой «Шалунья Ньюлгэнэт» и др. Во многом этому способствовал сам фольклор этих народов, содержательность отдельных жанров которого не лишена автобиографичности.

Современная литература саамов продолжает традицию автобиографических повествований книгой рассказов Надежды Большаковой «Хлебные горбушки» (2005). Автобиографическое начало выступает у нее как способ отождествления индивидуального и всеобщего, личности и живого бытия культуры. Возможно, что это обусловлено и самим фольклором саамов: у них сохранились народные рассказы – *муитоллы*, в которых описывались события пережитого дня, а также особого рода песни. Необычное содержание саамской песни в XIX веке отмечалось следующим образом: «Воспеваётся в действительности происшедший факт, причем с точностью и подробностью воспроизводятся все малейшие обстоятельства, сопровождающие его» [13, с. 3-8]. Эта песня носила зачастую импровизационный характер и исполнялась особым напевом, в характерной для саамов манере *йойк (joik)* – в медленном темпе со значительным эмоциональным окрасом (чаще всего в них были отражены радость или печаль, сожаление о чем-либо или воодушевление). Возможно, именно содержательный канон саамской песни-импровизации определил основное содержание и стиль книги автобиографических рассказов «Хлебные горбушки».

Своеобразие стиля названной книги определено, прежде всего, использованием сказовых интонаций, развернутых описаний портретов и событий, самоиронии, а также включением исторических экскурсов в прошлое через лопарские бывальщины и сказки, активное использование саамских пословиц и поговорок, традиционных жанров фольклора. Н. Большакова включает в один из рассказов напев-йойку, который исполняет дядя героини, и исполняет его на непонятном для главной героини языке:

- Бабуля, а что дядька Андрей поет?
- Хорошо едем, поет, снег белый. Какие у него олени добрые. На санях гостя из Ревды с бабушкой своей, поет...
- Так и поет? – не верилось мне.

– Так и поэт. Что видит, про то и поет, – бабушка прижимает меня к себе. – Все-то тебе знать хочется. Учи язык, много понимать будешь... (здесь и далее знаки препинания авторские. – Ю. Х.) [3, с. 17].

Знаменательно и то, что автор книги не бросает тему, ранее начатую в одном из первых рассказов, а углубляет ее в других. Так, ненамеренно сказанные бабушкой героини слово-наказ в рассказе «Куда все ушло?» уже в ином контексте превращаются в самобичевание героини: «Чудными, как сказка, казались мне тогда саамские слова. И отошли потом, полузабылись, как те сказки детства. А от слова, что в памяти осталось, до сих пор сказкой веет... Вернуть бы то времечко, да, увы... Унеслось, как та вода – из Вирмы-реки. Стою над ней на мосту посреди Ловозера: я ли выросла, или она повытекала? Больно. Пешком перейти. Куда все ушло? Понять не могу. И только ли река обмелела? А жизнь наша? А я сама? Сама? Саамка безъязыкая!..» [Там же, с. 34]. Эта глава-рассказ очень эмоциональная, чувства героини перетекают и кардинально меняются – от тонкого зафиксированного в памяти ощущения звучащего саамского слова к упреку в адрес самой себя.

Но ведущим в книге Н. Большаковой, на наш взгляд, является мотив памяти. Рассказ, открывающий автобиографический цикл Н. Большаковой, имеет распространенное название-метафору «Куда уходит детство?..» и начинается в определенном смысле традиционным для северных повествований зачином-словом «помню», а затем и последующий рассказ «По озеру Ловозеру путь лежит к Сейдозеру» продолжает тему памяти: «В памяти моей ты словно застывшая зеркальная гладь. Да еще рыжее солнце, дрожание воздуха над озером да постоянный звон в ушах» [Там же, с. 23]. Рассказ завершается далеко не риторическим вопрошанием автора: «...откуда им понять, пришлым людям, что вот например, я считаю себя частью этих гор, берегов, озер, частью тундры» [Там же, с. 3]. Складывается ощущение, что автор книги придерживается некоего метода отбора материала, который, прежде всего, выражает установку автора на удовлетворение своих ментально-душевных запросов о себе, своих предках и своем немногочисленном народе.

В рамках автобиографического повествования Н. Большакова не поднимает вопросов цивилизационного конфликта между «пришлыми» и местными, но почти в каждом рассказе автор акцентирует внимание на традиционных представлениях и верованиях саамов-сородичей, которые и по сию пору продолжают верить в хозяев озер и рек. Н. Большакова знакомит читателя с языческими обрядами и ритуалами саамов, которые длительное время чувствовали священные камни, связанные с культом предков (скалы, огромные камни-валуны). Даже в начале XX века некоторые семьи сохраняли семейных идолов – завернутые в лохмотья камешки. Саамы чувствовали коряги и скалы, особенно когда те имели антропоморфные очертания, приписывая им чудодейственные свойства, – им приносили жертвы, у них просили покровительства и помощи. Сами лопари-саамы ныне в этих камнях видят окаменевших волшебников: колдун, не соблюдавший некоторых условий шаманского ритуала, превращался в камень, и обращение с ним было особенным. В одном из рассказов есть описание, как маленькая героиня подходит к озеру, здоровается с духом озера: «И вот я стою на камушке. А сердчишко... Нет, не наклоняюсь, на колени встаю. Господи, Господи, кто ты? Может ты, Господи, и есть Сейдушко?» [Там же, с. 21]. Этот рассказ информативно насыщен культурологическим содержанием и в целом раскрывает особенности воззрений саамов: они поклоняются священным камням-сейдам как вещественной памяти о предках. Около таких камней традиционно проводились жертвоприношения усопшим. Обмазывание сейдов жиром служило символическим кормлением предков. В рассказе «Чудо» старый лопарь Иван Иванович Юрьев, катая детей на лодке, приобщает их к традиционным языческим представлениям саамов: «Вы озеро слушайте, оно живое, с понятием, на ем шуметь нельзя. А около камня, поплывем, языки прикусите. Ни слова, там дух Сейда живет» [Там же, с. 26]. Камень-сейду почитали, но одновременно он не был «неприкасаемым»: если Сейд в чём-либо оказывался виноватым, его били, наказывали физически, чтобы причинить ему боль. Место, где стоял камень-сейд, считалось святым, и женщины к нему обычно не допускались. Героиня рассказа только предполагает, что это камень-«сейдушко», но одновременно ее ощущения не чисто языческие. К этому камню она обращается в своих детских поисках Господа, и это в целом отражает имеющее место у саамов двоеверие – синтез языческих и христианских представлений. Это было довольно распространено у малочисленных народов, в том числе и у саами. Так, имеются сведения, что в финские саами чтити Рота – властелина ада и чувствовали этого бога в вечер под Рождество, зажигали свечу в рождественскую ночь. Эту особенность саамского вероисповедания Н. Большакова описывает и в других повествованиях. В рассказах «Мама моя Елизавета» и «По озеру Ловозеру путь лежит к Сейдозеру» повествуется о сохранившейся в XX веке языческой традиции саамов продавать новорожденного в другую семью: «Так у саамов из поколения в поколение и ведется: проданные дети продают своих, чтобы тем самым выкупить у судьбы им жизнь и здоровье... И я, родив дочку и сына, продала обоих за пятак в семью школьной подруги...» [Там же, с. 16]. Этот необычный языческий ритуал продажи ребенка имеет, в интерпретации автора, христианский подтекст – так новорожденный как бы обретает ангела-хранителя. Но поклонение священным камням-сейдам, следование христианским заповедям были не единственными функциональными верованиями и обрядами. Среди саамов, по сведению исследователей, бытовали как христианские, так и дохристианские ритуалы, связанные с оленеводством, рыбной ловлей и охотничьим промыслом [6].

В работах фольклористов неоднократно отмечалось, что специфика саамской песни и представление саамов о ней отражают убежденность саамов в том, что у каждого человека должен быть собственный йойк – это не менее важно, чем имя [Там же]. Полагаем, это в какой-то степени такая индивидуальность песни-напева, насыщенность личной информацией предопределила и содержательную особенность некоторых

жанров художественной литературы саамов. Не исключаем и того, что обилие в повествовании Н. Большаковой автобиографических и биографических фактов определяется именно фольклорно-эстетическими принципами. В реальные истории своих героев автор нередко вплетает истории героев из саамских сказок. Это придает особую сюжетную организацию отдельных рассказов. Так, в рассказе «Мазя» автор проводит параллель между реальной героиней Мазей и девушкой Мазей из саамской сказки. Дидактическое содержание рассказа дополняется экскурсом в историю раскулачивания саамов: «Большая она, жизнью обиженная, а больных и обиженных обижать не след, иначе и тебя самого Бог большой сделает. Господь, он все видит» [3, с. 30], а языковая ткань обогащена национальными пословицами и поговорками: «Семь раз подумай, что язык твой вытолкнуть хочет... Семь раз думай, язык прикуси, молча посиди. Не судачь без толку, живи миром своим... Потому и народ сдержанным был. Сейчас саамам чужие дела навязали, свои исполнять некогда. Вот народ на глазах и меняется» [Там же, с. 44].

Рассказы Н. Большаковой отличаются фактографичность в описании истории одного из древнейших саамских родов и необыкновенная искренность. Саамский автор будто выговорился, не скрывая своих чувств, эмоций, переживаний, и подытожил историю саамов в новом времени: «...раньше по озеру только на веслах ходили, моторов не было. Какая лодка не плывет – каждой люди рады. Они на островах, почитай живут, поговорить хотят, новости узнать, свои истории рассказать. А теперь что получается? Теперь на моторах меж друг дружки промчатся – даже в лицо не взглянуть. На своей земле по-воровски живем, по-воровски сети ставим, рыбу ловим. Совсем саамы потерялись среди людей» [Там же, с. 43]. Текст наполнен нравственными размышлениями и автоинтерпретацией. Завершается книга рассказом «Что значит фамилия Большакова?», в котором на поставленный вопрос звучит ответ, что образована ее фамилия от слова «большак», и реплика «Это хорошо, когда дорога большая» [Там же, с. 54] по-особому высвечивает всю историю и будущность не только жизни и судьбы героини, но и в целом саамов.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Книга рассказов Н. Большаковой отразила события из истории саамов, тесно переплетенной с жизнью семьи автора, становлением личностного и этнического самосознания. Ценность автобиографических рассказов Н. Большаковой определяется не столько документальным фактом, сколько выверенностью факта памятью этноса. Книга построена в рамках логики и представлений самой культуры саамов, представителем которой является ее автор. С помощью этой автобиографической книги можно прочесть код культуры российских саами. Рассказы Н. Большаковой – это культурная кодировка не столько «я», которая чаще всего встречается в других, развитых, литературах, сколько культурная кодировка этноценностей аутентичной культуры саамов России. Книга рассказов Н. Большаковой требует внимания литературоведов в области изучения ее поэтики. Проведенное исследование может быть весьма полезным при составлении учебных материалов по истории литератур малочисленных народов Северо-Западной Сибири и Кольского полуострова. Несмотря на то, что творчество Н. Большаковой вызывает диаметрально противоположные оценки исследователей, следует признать, что ее рассказы чрезвычайно важны в контексте развития литературы не только саамов в России – они являются свидетельством поиска своего национального авторского стиля, индивидуальных средств выразительности, адекватных не только творческому замыслу, но и ментальности всех саамов.

Список источников

1. Бакула В. В ожидании праздника // Саамская литература: сборник статей / отв. ред. В. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2010. С. 188-198.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
3. Большакова Н. П. Хлебные горбушки: рассказы. Мурманск: Мурманское отд-е Союза писателей России, 2005. 83 с.
4. Ващенко А. В. Имеющие свое имя. Жанр автобиографии в прозе Н. Скотта Момадэя и Джанси Кимонко // Нация. Личность. Литература. М.: Наследие, 2003. Вып. 2. С. 142-163.
5. Ващенко А. В. Северо-Западный форпост // Саамская литература: сборник статей / отв. ред. В. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2010. С. 63-71.
6. Волков Н. Магия, фетишизм и анимизм саамов [Электронный ресурс]. URL: <http://saami.su/biblioteka/stati/335-magiya-fetishizm-i-animizm-saamov.html> (дата обращения: 13.02.2018).
7. Лотман Ю. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 233-234.
8. Мещеркина Е. Повседневность в биографии и устной истории // Объять обыкновенное: повседневность как текст по-американски и по-русски: материалы VI Фулбрайтской гуманитарной летней школы. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 145-162.
9. Огрызко В. Писатели, литераторы и сказители кольских саамов // Саамская литература: сборник статей / отв. ред. В. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2010. С. 208-238.
10. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера: истоки автобиографического повествования // Нация. Личность. Литература. М.: Наследие, 2003. Вып. 2. С. 122-141.
11. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера: истоки, становление, развитие. М.: Наука, 1988. 167 с.
12. Саамская литература [Электронный ресурс]. URL: <http://alcala.ru/literaturnaia-enciklopedia/slovar-S/5801.shtml> (дата обращения: 16.02.2017).
13. Харузин Н. Н. О лопарской (саамской) бивальшине и песне // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом музее / под ред. В. Ф. Миллера. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1895. Вып. III. С. 3-8.
14. Sergejeva J. The Eastern Sámi: A Short Account of Their History and Identity // Acta Borealia. 2000. Vol. 17. № 2. P. 5-37.
15. The Saami. A Cultural Encyclopaedia / ed. by Ulla-Maija Kulonen, Irja Seurujärvi-Kari, Risto Pulkkinen. Vammala: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. 498 p.

**AUTOBIOGRAPHICAL BEGINNING OF THE BOOK
OF STORIES “BREAD CRUSTS” BY NADEZHDA BOLSHAKOVA****Khazankovich Yuliya Gennad'evna***M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
hazankovich33@mail.ru*

The article studies the “short prose” of the Sami prose writer Nadezhda Bolshakova in the typological, cultural and historical aspects. The material of the book of stories “Bread Crusts” reveals the specific features of the autobiographical narrative as a whole and its ethnic features in the context of the literary and folklore genre traditions of the Sami. In particular, the author reveals connection with folk stories of the Sami (mushtolls), which described the events of the day, as well as a special kind of songs – personal ones. N. Bolshakova’s autobiographical book is a kind of “manifested way of the world attitude”. Through the personal form of the narrative, the writer transmits the main cultural values and purposes of the ethnos. The autobiographical stories of N. Bolshakova are emotional, the surrounding world and people are represented in them through the lenses of the writer’s perception and evaluation.

Key words and phrases: N. Bolshakova; the Kola Sami; Sami stories; Sami literature; autobiographical stories; folklore.

УДК 821.512.141.09

Дата поступления рукописи: 02.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.16>

Целью статьи является анализ башкирского исторического романа с точки зрения создания образа национального героя. Объект рассмотрения – романы писателей советского и постсоветского времени – А. Тагирова, И. Насыри, Г. Хайри, Я. Хамматова, Ф. Исянгулова, Р. Баимова, Г. Хисамова. На их примере прослеживаются эволюция образа башкирского лидера Заки Валиди, превращение его из антигероя в протагониста, процесс освобождения писателей от ложной концепции, от идеологических стереотипов. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет автору выявить своеобразие творческой манеры того или иного писателя, определить его роль в художественном осмыслении личности героя.

Ключевые слова и фразы: эволюция; персонаж; концепция личности; антигерой; протагонист; портрет; литературный миф; хронотоп; ирония; гротеск.

Хасанов Ришат Фаукатович, д. филол. н., доцент*Бирский филиал Башкирского государственного университета
academy@birsk.ru***ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ В БАШКИРСКОМ РОМАНЕ**

В башкирской исторической прозе значительное место занимает историко-биографический роман, в котором созданы образы легендарных и исторических личностей, воплощающих особенности национального характера. В статье мы обращаемся к романам, посвященным известному общественному деятелю, лидеру башкирского национального движения Заки Валиди. При этом ставятся следующие задачи: рассмотреть, как эволюционировал его образ, как в произведениях менялась авторская концепция личности героя в зависимости от общественно-политической, культурно-исторической ситуации, от идеологических установок, как шло развенчание мифа о Заки Валиди, созданного историками и литераторами в советские годы.

Как показывает история, отношение к его личности и деятельности в разные годы было неоднозначным. В советские годы он был объявлен врагом народа, буржуазным националистом, а в обществе, в печати была развернута борьба с так называемой «валидовщиной». После тщетных попыток найти взаимопонимание с лидерами большевиков Валидову удается выехать за границу. В дальнейшем он жил и работал в Стамбульском университете. Лишь в перестроечные годы начался процесс его реабилитации, возвращение его доброго имени на родину, признания заслуг как политика, дипломата и ученого. Историк Роза Буканова отмечает мировую известность З. Валидова как ученого-тюрколога, открывшего целое направление в ориенталистике, также его роль в образовании Башкирской Автономной Республики в составе России [4, с. 23]. Другой ученый, профессор М. М. Кульшарипов пишет: «Заки Валиди стал не только выдающимся ученым-востоковедом, но и крупным общественно-политическим деятелем, который стоял у истоков российского федерализма, главным идеологом и руководителем башкирского национального движения. Благодаря своей титанической организаторской способности, таланту, он сумел сплотить и поднять башкирский народ после Февральской революции 1917 года на борьбу за создание своей государственности» [7, с. 17]. Попытки опорочить деятельность Заки Валиди не прекратились и в наше время. Некоторые современные историки считают его «авантюристом», «интриганом», сепаратистом и даже агентом зарубежных спецслужб. Как показывает многолетний опыт изучения его общественно-политической деятельности, эти измышления не имеют под собой почвы.

Все перипетии судьбы героя, его взлеты и падения нашли отражение и в башкирской литературе, прежде всего в романах. Если окинуть их целостным взглядом с точки зрения изображения нашего героя, то можно увидеть,